

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья
УДК 343.8(575.4)

ТЮРЕМНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ СИСТЕМА ТУРКЕСТАНА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Аннотация. В статье с позиций историко-правовой науки проведено исследование организации деятельности тюремно-полицейских структур в системе управления Русским Туркестаном на рубеже XIX и XX веков. Среди целей работы важное место занимает попытка установить их место и роль в недавно присоединенном к российской короне регионе. Особое внимание уделено выявлению специфических взаимосвязей с жизнью местного, преимущественно мусульманского, населения. Работа над архивными и публикационными материалами осуществлялась с помощью диалектического подхода, методов обобщения, анализа, конкретизации фактов. С учетом усиления миграционной активности современного населения Средней Азии в Россию и отсутствия значимых исследований по указанной проблематике статья может иметь не только научную значимость, но и важную прикладную функцию.

Ключевые слова: военно-народное управление, Средняя Азия, Российская империя, уголовно-исполнительная система, полиция, тюрьма

Для цитирования

Реент Ю. А. Тюремно-полицейская система Туркестана в составе Российской империи // *Человек: преступление и наказание.* 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 62–72.

TIME LENS

Original article

THE PRISON AND POLICE SYSTEM OF TURKESTAN AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Abstract. The article examines the organization of the activities of prison and police structures in the management system of Russian Turkestan at the turn of the 19th and 20th centuries from the standpoint of historical and legal science. Among the objectives of the work, an important place is occupied by an attempt to establish their place and role in the region recently annexed to the Russian crown. Special attention is paid to identifying specific relationships with the life of the local, predominantly Muslim, population. The work on archival and publication materials was carried out using a dialectical approach, methods of generalization, analysis, and concretization of facts. Given the increasing migration activity of the modern population of Central Asia to Russia and the lack of significant research on these issues, the article may have not only scientific significance, but also an important applied function.

Keywords: military and people's administration, Central Asia, Russian Empire, penal system, police, prison

For citation

Reent, Yu. A. 2026, 'The prison and police system of Turkestan as part of the Russian Empire', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 62–72.

В настоящее время определенную историко-правовую проблему составляет выявление роли российских правоохранительных структур в формировании нормативной базы и развитии социальных отношений с населением национальных окраин, присоединенных к Российской империи в конце XIX века. Среди современных исследователей оценки происходивших процессов порой полностью противоположны. При этом даже обретенная, благодаря этому присоединению, согласованность норм уголовного и процессуального права в основном проявилась лишь в использовании общего понятийного аппарата и правовых терминов. Что касается роли привнесенных Россией образцов уголовно-исполнительной и полицейской деятельности, то вопросы их эффективности и целесообразности для среднеазиатского региона остаются предметом дискуссии. Преимущественно критические высказывания встречаются среди авторов, в целом политически ангажированных, настроенных в антироссийском русле. К счастью, такие исследователи не делают погоды в научном мире, основные массы публикаций трезво освещают как позитивные, так и негативные страницы в нашей истории. Цель данной статьи – обратиться к конкретным фактам, сделать свои выводы, ну и привлечь молодых ученых к разработке данной малоизученной проблемы.

Как известно, впервые Туркестанская область во главе с генерал-майором М. Г. Черняевым учреждается в 1865 г., являясь частью Оренбургского генерал-губернаторства¹. Вскоре русские войска взяли крупнейший город региона – Ташкент, который и определили столицей новой области. Со временем административные границы российских владений в Средней Азии существенно менялись. К концу XIX века они составляли две территории – Туркестанский край (четыре области) и Закаспийская область, между которыми находились российские протектораты – Хивинское ханство и Бухарский эмират. Нужно еще учитывать, что территория Казахстана формально не относится к Средней Азии. Регион, который включает в себя Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, обычно называют Центральной Азией. Для нормативного закрепления основ развития этой территории утверждается Временное положение об управлении Туркестанской области от 6 августа 1865 г. Специфической особенностью документа стало введение военно-народного управления, во главе которого названы:

- а) военный губернатор;
- б) начальники отделов области;
- в) управляющие туземным населением»²

Таким образом, делалась попытка осуществлять социально-политический диалог представителей русских военных властей с коренным населением Средней Азии. Для смягчения возможных противоречий и обострений на местах оставались традиционные институты – народные (шариатские) суды, органы самоуправления, традиционная полиция и система наказаний. Все административные лица наделялись полицейскими полномочиями, в том числе по отношению к коренному населению. Одновременно в Чимкенте, Аулие-ата и ряде других городских поселений были учреждены должности городничих из числа обер-офицеров, которые руководили местными тюремно-полицейскими структурами³. Отметим, что, в отличие от российских губерний, в Туркестанской области на всех уровнях управления военно-административная власть сливалась с полицейской.

В присоединенном к России Туркестане высшие полицейские полномочия принадлежали генерал-губернатору, подчинявшемуся Военному министерству, а не Министерству внутренних дел. «Это вызвало военизацию полиции. Практически все полицейские руководители региона были военными чинами. В русской части Ташкента... действовала городская полиция во главе с полицмейстером, а в остальной части – общественная полиция с выборными городскими старшинами (аксакалами). Старший аксакал назначался военным губернатором. Там же была введена полицейская должность – начальник города» [1, с. 75]. Важно понимать, что в Центральной России разделение полицейских, тюремных и судебных полномочий в относительно законченном виде произошло только во второй половине XIX века. Что касается среднеазиатского региона, то все основные уголовно-исполнительные функции

¹ См.: Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об упразднении Управления Сыр-Дарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 12 февраля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41870.

² Высочайше утвержденное Временное положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

³ См.: Высочайше утвержденный 6 августа 1865 г. Временный штат управления Туркестанской области // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372.

Рис. 1. Присоединение к России территорий Средней Азии в XIX в.¹

оставались за местными полицейскими руководителями, которые в большинстве своем имели воинские чины.

Сколь-нибудь крупных тюремных построек в этом регионе не отмечалось. Как правило, подсудимых и осужденных содержали в зинданах – помещениях, вырытых в земле, либо в небольших постройках из саманного кирпича, которые трудно было назвать крепкими сооружениями. Несмотря на налагаемые цепи, оковы и вооруженную охрану, преступники нередко сбегали на волю. Найти их в пустынях или горной местности не представлялось возможным. Положение усугублялось еще и тем, что ни тюремные надзиратели, ни полицейская охрана, первое время состоявшая из старослужащих солдат, не понимали местных языков и наречий, да и представители «туземного» населения, как правило, не знали русского языка. Вследствие этого областные и уездные руководители борьбу с менее тяжкими уголовными и религиозными преступлениями, как и исполнение наказаний за них, поручали традиционным мусульманским судам.

Местная администрация вынуждена была возлагать исполнение охранно-полицейских обязанностей на рассыльных волостных управителей – так называемых джигитов, нанимаемых в некоторых селениях за счет сборов с населения. Вопреки указанию ст. 84 Туркестанского положения, кроме выборов волостных управителей, они, по аналогии с традиционной русской «сельской полицией», вводили избираемые должности караульчиков и пятидесятников. Практика эта была не слишком удачной, поскольку обычно «туземные» правоохранители «не отвечают предъявляемым полицейским чинам требованиям»².

¹ См.: Карта покорения Россией Туркестана и Кавказа // Торнау Н. Н. Учебный атлас по русской истории. 1910 г. URL: <https://runivers.ru/lib/book6858/186866/> (дата обращения: 16.12.2025). Это и последующие фотопроизведения были опубликованы на территории Российской империи до 7 ноября 1917 г. Представленные репродукции находятся в общественном достоянии в Соединенных Штатах, поскольку были опубликованы или зарегистрированы в Бюро регистрации авторских прав США до 1 января 1930 г.

² Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4360. Л. 1 об.

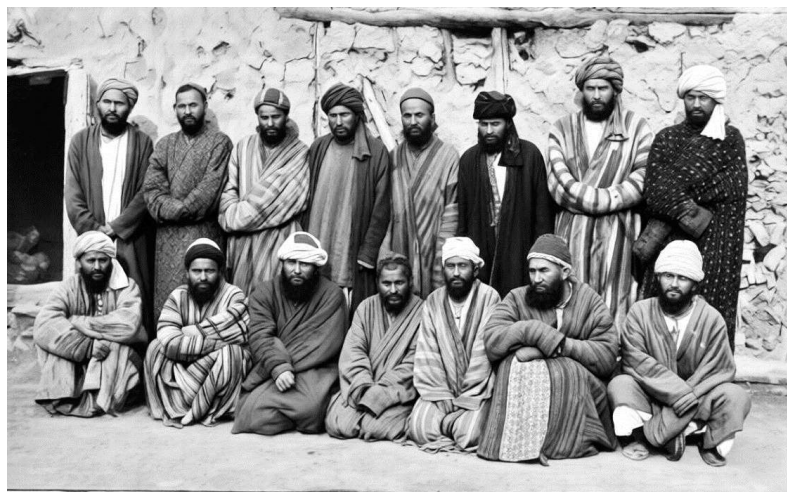
Рис. 2. Охрана заключенных в зиндане¹

Ко времени присоединения к России Средней Азии на ее территории существовало три мусульманских ханства – Бухарское, Кокандское и Хивинское, которые регулярно конфликтовали между собой. В организации внутреннего управления они были схожи с административно-полицейской системой соседних мусульманских стран. В итоге сложилась специфическая среднеазиатская модель управления. Наиболее ярким примером организации полицейской и уголовно-исполнительной деятельности того времени был Бухарский эмират. Согласно описаниям академика В. В. Бартольда, там «во главе полиции был курбаши, которому были подчинены сорок четыре миршаба; из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (юзбаши)» [2, с. 366].

«Работа мусульманской полиции начиналась после вечерней молитвы – в 8 часов вечера. Полиция обходила улицы, отлавливая нарушителей – воров, проституток, пьяных и т. п. Их арестовывали. О каждом арестованном курбаши обязан был докладывать беку. Он также расследовал ночные кражи, тогда как такие дневные преступления – раис и аксакалы (главы квартальной полиции). При пожаре курбаши непременно присутствовал. Он был обязан пресекать азартные игры. Ему подчинялась тюрьма (зиндан), вырытая в земле в форме бутылки. Именно курбаши передавал палачу приговоренного к смерти и должен был присутствовать при казни. Он был обязан встречать высших лиц и сопровождать их по городу, обеспечивая должный порядок» [2, с. 366].

В современных среднеазиатских республиках в настоящее время растет интерес к истории собственных правоохранительных структур. Так, бывший министр внутренних дел Таджикистана генерал-лейтенант Р. Х. Рахимзода в своих исследованиях отмечал, что в Бухарском ханстве «полицейские чиновники на конях и повозках разъезжали по городу всю ночь и всякого, встретившегося после полуночи, брали под стражу, а на другой день представляли нарушителя начальнику города». Он указывал на то, что функции полиции в Бухарском ханстве исполняли есаул-баши и простые есаулы, а также так называемые махрамы, кассабардары и навхары [3, с. 144–145].

¹ См.: Охрана заключенных в зиндане (фото С. М. Прокудина-Горского). URL: https://i3.guns.ru/forums/icons/forum_pictures/000292/292649.jpg (дата обращения: 16.12.2025).

PRISONERS OF BUCHARA

Рис. 3. Группа заключенных в Бухаре, 1899 г. (фото С. М. Прокудина-Горского)¹

В Кокандском ханстве были схожие полномочия правоохранительных органов. Возглавлял их миршаб. Обычная работа начиналась вечером, после закрытия городских ворот. Миршаб с патрулями обходил улицы и забирал всех попадавшихся людей. По сути, вводился комендантский час, который нарушался в основном лишь преступниками. Днем миршаб и подведомственные ему шабгарды (ночные дозорные) отдыхали. Следить за порядком было делом самого населения. «В Хиве полиция функционировала в каждом квартале (махалля). Работала она тоже только ночью и в основном охраняла городские ворота. Вместе с тем полиция также отлавливала ночных воров и героев интриг» [4, с. 165].

Однако нас более интересует организация уголовно-исполнительной системы. В мемуарах англичанина А. Бернса описываются бухарские темницы кана-хена, «в которых держали подозреваемых людей, где их мучили клещи, скорпионы, блохи “и другие паразиты”». Он отмечал, что «одного этого достаточно, чтобы убить ввергаемых туда преступников... Темницы эти находятся под цитаделью, в которой живет сам Хан» [5, с. 354–355]. Рассказывают о том, как эмир наказал за прелюбодеяния дочери одного пекаря с каким-то индусом. Он «приказал их обоих сжечь в печи, несмотря на то, что сам в подобных делах служит самым худым примером для своих подданных» [6, с. 120].

Российский исследователь В. П. Литвинов приводит рассказ таджикского просветителя Садриддина Айни (1878–1954), который отмечал, что «при эмире Музаффаре не было дня, когда на Веревочном базаре Регистана не казнили бы человека или на Ослином базаре никого бы не вешали. При каждой казни убивали не одного-двух, а сразу рядами... При Музаффаре однажды на гулянье в Ширбадане на глазах – десять человек и более, а на Ослином базаре приговоренных подвешивали на виселице, гуляющих казнили сразу больше ста человек» [7, с. 121]. Система наказаний рассчитана была на запугивание населения. Именно поэтому в одном из самых многолюдных мест

¹ См.: Группа заключенных в Бухаре, 1899 г. (фото С. М. Прокудина-Горского). URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3b/Pg179_Prisoners_of_Buchara.jpg (дата обращения: 16.12.2025).

«вырыли ров и под взглядами гуляющих, ежедневно казнили нескольких преступников, приведенных из тюрьмы. Казнь совершалась в назидание всем склонным возмущаться, осуждать и упрекать эмира. Трупы казненных целый день оставались на краю рва, а на другой день убирались, чтобы освободить место для новых» [7, с. 121]. Редактор газеты «Туркестанские ведомости» подполковник Н. А. Маев писал о массовых казнях при эмире Музаффаре, но обращал внимание на то, что для этого нужен был письменный приговор (хатт), «без которого палач не имеет права производить казнь, хотя бы получил на то личное приказание эмира» [8, с. 44]. Такие приговоры выносили шариатские суды, формально отстраненные от ханской администрации.

Контроль за поведением «туземного» населения издавна осуществляли раисы или мухтасибы – аналог полицейских, но наблюдавшие за исполнением предписаний ислама и шариата. Исследователь М. Вахабов утверждает, что в дороссийский период в Ташкенте «наблюдение за исправным исполнением религиозных обрядов и общественных обязанностей осуществляли два раиса, которые назначались беком. Каждый раис имел отряд вооруженных гиранда (ловителей) по 10 человек. При обнаружении нарушителей правил раисы тут же приказывали гиранда бить их «даррой» (широкая, сшитая из нескольких слоев кожи плеть с короткой рукояткой)» [9, с. 10]. Таким образом, обнаруженные на месте религиозные проступки или преступления тотчас сопровождалось наказанием.

При становлении основ царской власти в Туркестане ее представителями высказывалось негативное отношение к институту мусульманской полиции, но первый российский руководитель региона генерал-майор М. Г. Черняев не смог его отменить. Его преемник, генерал-майор Д. И. Романовский, решил созвать комиссию для реальной оценки деятельности мусульманской религиозной полиции. В итоге был сделан вывод о том, что она «не отвечает нашим интересам и требованиям»¹. Аналогичное резюме сделала Степная комиссия в ходе разработки проекта Туркестанского положения 1867 г.

Действительно, деятельность местных полицейско-тюремных органов была проникнута мусульманским фанатизмом. В силу этого первый туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман в 1874 г. ликвидировал институт религиозной полиции в крае. Это не вызвало сильного недовольства среди местного населения: для большинства мусульман строгий надзор за их религиозным поведением представлялся обременительным. Правда, по словам ревизора Туркестанского края сенатора К. К. Палена, «упразднение должности раисов – этого религиозно-политического гнета, много веков тяготевшего над жизнью правоверного, имело своим последствием падение нравственности. Народ, освобожденный от грозной и зоркой опеки раисов, в упоении дарованной ему свободы, предался пьянству и разврату» [10, с. 48].

Новая власть в плане преобразования местной уголовно-исполнительной системы также не преуспела. Инспектирующие ее чиновники сообщали, что, например, в тюремных помещениях при Термезской и Керкинской полиции книга содержащихся под стражей ведется не должным образом, а «арестанты содержатся грязно. Об их положении никто не заботится»². Но удивляться этому не стоило. Дело в том, что, например, в Старой Бухаре денежное содержание конного городского составляло 10 руб. в месяц,

¹ Объяснительная записка к Временному положению о военно-народном управлении в Туркестанской области // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4753. Л. 6.

² Термез. Управление административно-полицейское. Об учреждении в гор. Термезе административно-полицейского управления (1903–1916 гг.) // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486. Д. 81«б» Л. 26 об.

включая прокорм лошади, а чернорабочий получал 1 руб. 20 коп. в день! Очевидно, что в нищете служебное рвение падало. Туркестанский генерал-губернатор предложил новый штат старо-бухарской русской полиции численностью в 20 чел., включая служителей арестного дома¹. Но некоторое снижение нагрузки не компенсировало недостаток средств к существованию.

Необходимо отметить, что вся система административного управления Туркестанского края долгое время характеризовалась большой неопределенностью. Для того чтобы детально разобраться в нюансах, в 1908–1909 гг. осуществили ревизию органов управления и исполнительных структур. Возглавил эту работу сенатор граф К. К. Пален. Для руководства его деятельностью была подготовлена и утверждена императором подробная инструкция из 26 пунктов. Особый интерес представляет отдел 17, который отражал состояние тюремно-арестантской части. Отметим, что проверка проводилась одновременно в Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областях. Перечислим основные позиции, отраженные в этом документе.

«1. Положение этого дела в областных правлениях. Тюремное хозяйство. Содержание и ремонт тюрем, постройка их. Контракты с подрядчиками; отчетность. Капиталы: общий тюремный и земский (на устройство арестных домов). Расходование этих капиталов. Устройство и содержание арестных домов. Арестные помещения при полиции.

2. Размещение арестантов в местах заключения. Внешний и внутренний порядок, пища и одежда арестантов. Побег и причины их.

3. Состав тюремной администрации. Надзиратели, конвойные команды и этапы»².

Важно отметить, что во всем регионе сколько-нибудь крупных тюремных сооружений практически не существовало. Ну а те, что имелись, для обозначенных целей могли использоваться весьма условно. В отчетах упоминается Петро-Александровская тюрьма: «...здание весьма ветхое, с земляною крышею, принадлежащее частному лицу, построенное в начале 80-х годов»³. Единственная русская тюрьма, построенная в 1879 г. в г. Скобелеве, к моменту ревизии находилась в полуразрушенном состоянии. Упомянулись также Ходженская тюрьма: «крыши на тюремных постройках ветхие, стропила и балки подгнили, вследствие чего поддерживаются деревянными стойками, установленными слабо; потолок также поддерживается тонкими стойками, концы которых подгнили, отчего крыша нависла... Копальская уездная тюрьма... в центре города, рядом с пивной, на усадьбе, снятой по контракту на три года с платой по 800 рублей, причем все здания ветхи и непрочны, крыши очень старые...» [11, с. 293–204]. Многие другие из названных учреждений, а по факту – явное большинство, отличались своей непригодностью к содержанию преступников.

Судя по всему, рекомендации Главного тюремного управления Минюста (с 1895 г.) по организации работ заключенных были известны в Туркестанских областях, несмотря на подчиненность военному ведомству. В некоторых тюрьмах были организованы различные хозяйственные мастерские, внешние сельскохозяйственные работы, даже действо-

¹ См.: По вопросу об учреждении в Старой Бухаре русского полицейского управления (9 окт. 1910 г. – 5 февр. 1917 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3920. Л. 20.

² Высочайше одобренное 18 июня 1908 г. особое наставление сенатору, назначенному по Высочайшему повелению к производству ревизии Туркестанского края // Туркестанские ведомости. 1908. № 153.

³ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом: тюремное дело. СПб.: Сенат. тип., 1910. 141 с.

Рис. 4. Скованные узники. Бухара¹

вал кирпичный завод и пр. Однако вместо прибыли эти начинания нередко приносили чистый убыток. Очевидно, что любые работы с участием криминального контингента могли быть успешными лишь в присутствии надежной охраны. В пенитенциарных учреждениях среднеазиатского региона это было слабое звено. В частности, приводится пример, когда «военный караул отказался исполнять требование начальника тюрьмы о заключении буйствующего арестанта в темный карцер, объяснив это следующими словами: «Как же мы можем войти в камеру, когда их там много, а нас мало, они у нас отберут винтовки»» [11, с. 206]. Вскрывались и случаи подкупа тюремных и полицейских чинов, в результате которых совершались побеги осужденных, либо неправомерное освобождение подсудимых.

Выявленные комиссией К. К. Палена недостатки подлежали оперативному устранению. Основные рекомендации были сформатированы в 5 блоках: 1) тюремно-строительный, 2) хозяйственный, 3) арестантские работы, 4) тюремный режим, 5) администрация и надзор. Было очевидно, что без возведения новых учреждений взамен старых не обойтись. В силу этого указывалось, что «при проектировании новых построек желательно придерживаться таких принципов: строить как можно меньше и реже, без всякой роскоши, не экономить на прочности материалов или конструкций, и строить всегда с запасом на будущее...»².

Очевидно, что основной задачей ревизии было желание преобразовать существовавшую до этого систему управления Туркестанским краем, введенную Положением от 1886 г., которая в плане пенитенциарной деятельности не только была далека от совершенства, но и абсолютно не дотягивала до общероссийских стандартов. Можно сделать вывод о том, что централизованная тюремная система там отсутствовала, а управление

¹ См.: Скованные узники. Бухара. Фотограф Российской империи Сергей Прокудин-Горский. Это изображение из Библиотеки Конгресса США, отдел эстампов и фотографий, имеет цифровой идентификатор (digital ID) – prokc.20009.

² Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом: тюремное дело. С. 138.

действующими учреждениями характеризовалось нестабильностью. Представляется обоснованным мнение исследователя этой проблемы Н. Б. Махмудовой, оценивающей деятельность чиновников региона в отношении развития уголовно-исполнительной системы как некомпетентное, характеризующееся равнодушием, безответственностью в сочетании с проявлениями коррупционности [11, с. 208].

Сбор фактических материалов, связанных с ревизией, выявил вызывающие противозаконные действия полицейских и тюремных служащих. Так, только в Сырдарьинской области пришлось уволить до половины начальников уездов, которые наряду с исполнением общих административных функций являлись руководителями всех полицейско-тюремных сил этой местности. Тем не менее сделанные членами ревизионной комиссии выводы подтвердили целесообразность сохранения в этом регионе системы военно-народного управления под руководством сильной власти генерал-губернатора. Выводы, сделанные с позиций современного состояния исследовательской базы, свидетельствуют о том, что только благодаря привнесенной Россией структурированной, мобильной и контролируемой административной власти, в среднеазиатских регионах к началу XX века появилась возможность оперативно разрешать основные социально-политические вопросы, эффективно осуществлять правоохранительную деятельность.

Список источников

1. Реент Ю. А. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 521 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. 1024 с.
3. Рахимзода Р. Х. Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридические науки: история и современность. 2016. № 7. С. 136–147.
4. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1867. 362 с.
5. Бернс А. Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. М., 1847 (2016). Ч. 1. 395 с.
6. Литвинов В. П. Государство и полиция в царской России: туркестанский вариант (очерки истории) : монография. Воронеж : Воронежская областная типография, 2025. 609 с.
7. Литвинов В. П. Организация и деятельность имперской полиции на российских территориях Средней Азии (1865–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2026. 497 с.
8. Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Ташкент : Воен.-нар. управление, 1875. 82 с.
9. Вахабов М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент : Госиздат УзССР, 1957. 284 с.
10. Литвинов В. П. Религиозная полиция в исламском мире: среднеазиатские ханства // Клио. 2024. № 1(205). С. 45–51.
11. Махмудова Н. Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К. К. Палена) // Метаморфозы истории : альманах. Псков : Псков. гос. ун-т, 2016. Вып. 8. С. 201–210.

References

1. Reent, Yu. A. 2002, *The police system of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century (1900–1917): Sc.D (Historical Sciences)*, Moscow.
2. Bartold, V. V. 1963, *Essays*, vol. II, part 1, *General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe*, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow.

3. Rahimzoda, R. H. 2016, 'The state of investigative activity in pre-Soviet Tajikistan', *Legal sciences: history and modernity*, iss. 7, pp. 136–147.
4. Vamberi, A. 1867, *Essays on Central Asia*, Moscow.
5. Burns, A. 1847 (2016), *Kabul. Travel notes of Sir Alexander Bournes in 1836, 1837 and 1838*, part 1, Moscow.
6. Litvinov, V. P. 2025, *The state and the police in Tsarist Russia: The Turkestan version (essays on history): monograph*, Voronezh Regional Printing House, Voronezh.
7. Litvinov, V. P. 2026, *Organization and activity of the Imperial police in the Russian territories of Central Asia (1865–1917): Sc.D (Historical Sciences)*, Moscow.
8. Mayev, N. 1875, *Essays on the Bukhara Khanate*, Military-People's Administration, Tashkent.
9. Vakhobov, M. 1957, *Tashkent during the three revolutions*, Gosizdat UzSSR, Tashkent.
10. Litvinov, V. P. 2024, 'Religious police in the Islamic world: Central Asian khanates', *Clio*, iss. 1(205), pp. 45–51.
11. Makhmudova, N. B. 2016, 'The state of the penitentiary system of the Turkestan region in the early twentieth century (based on the report of the senatorial audit of Count K. K. Palen)', in *Metamorphoses of history: almanac*, iss. 8, pp. 201–210, Pskov State University, Pskov.

Информация об авторе

Ю. А. Реент – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философии и истории.

Information about the author

Yu. A. Reent – Sc.D (Historical Sciences), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Philosophy and History Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 30.01.2026.